

Иван Правдору́б

Село и люди

сборник рассказов

Иван Правдоруб

Село и люди.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781388

ISBN 9785005086990

Аннотация

Нет двух одинаковых людей, даже не ищите. У каждого своя жизнь, свои взлёты и падения, свои взгляды и герои. Можно их открывать и читать, как книги. В сборник вошли как уже публиковавшиеся в Сети, так и новые произведения о людях и ситуациях: весёлых, грустных, вероятных и даже невозможных. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Село и люди	5
Понимание мира	5
Карусель-карусель	7
Ирония судьбы	9
Баю-баюшки-баю	13
Страшная тайна	18
Часы с кукушкой	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Село и люди

Сборник рассказов

Иван Правдоруб

© Иван Правдоруб, 2019

ISBN 978-5-0050-8699-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Село и люди

Любой, даже самый большой город – это макродеревня. Дома пониже, асфальт пожисше, а так совсем как в Париже. Другое дело – люди. Нет двух одинаковых, даже не ищите. У каждого своя жизнь, свои взлёты и падения, свои взгляды и герои. Надо их открывать и читать, как книги.

Понимание мира

Есть у меня в заказчиках женщина в достатке. Назовём её Анфиса.

Обычная история: удачно вышла замуж. Её сумочка стоит как новая иномарка, а автомобиль – как квартира в центре города.

Ко всему прочему удивительно энергична и буквально фонтанирует идеями: рисую ей уже третий брендбук и делаю восьмой сайт. Со временем её проекты переходят в стороннее управление, а она с жаром бросается в новый бизнес.

А на днях внезапно мировая скорбь и «львотолстовство»: хочет опроститься и жить «как все». Спрашивает меня:

- Михаил, вы же раньше жили не в Петербурге?
- В Орле жил почти два года.
- Ну и как там?

Рассказываю Анфисе про «малые воды», вскормившие Лескова, Бунина и Тургенева, неспешный ритм небольшого областного центра, поля и леса. Даю краткую справку о недвижимости и продуктах первой необходимости.

Анфиса некоторое время в уме просчитывает затраты и, закусив губу, отчаянно говорит:

– Уеду в Орёл, устраюсь какой-нибудь техничкой в школу, буду зарабатывать... ну, пусть тридцать тысяч рублей. Проживу! Экономить буду на всём, но проживу. Чем я хуже других?

– Анфиса, но уборщица в школе не получает тридцать тысяч!..

– А сколько получает?

– Около пяти, максимум восемь...

Анфиса ошарашенно смотрит на меня и задаёт риторический вопрос:

– Михаил, а как же они там тогда, блядь, существуют?

Карусель-карусель

Кто-то, возможно и великий, говорил, что занимать деньги нужно в том количестве, чтобы потом не жалеть об их потере. Хорошее правило. Не надо потом носиться с выпученными глазами, пытаясь выдрать должок из когда-то дружеских рук. А, часто совсем несвоевременный, возврат воспринимать как подарок судьбы и заваливаться в ближайший бар или магазин элитного алкоголя.

Однажды знакомый занял у меня некую сумму денег и немного потерялся. Ожидаемая для меня ситуация, совсем не повод рвать волосы на голове и других, менее доступных, местах. Неожиданная для нас обоих встреча произошла летним будним днём: я прогуливался по набережной Иртыша, а Николаич – назовём его так – скучал в качестве оператора карусели на площадке аттракционов.

Ну как карусель – лошадок и весёлого музыкального сопровождения там не было. А была сложная механическая конструкция, крутившая открытые кабины в хаотичных плоскостях. Для стороннего наблюдателя это выглядело, как будто бультерьер Тузик рвёт грелку, а сам участник аттракциона ощущал себя космонавтом в центрифуге.

Николаич, поняв, что его заметили, превентивно кинулся мне навстречу, объясняя задержку погашения кредита многочисленными жизненными перипетиями: денег нет, но вы

держитесь. И предложил, в счёт процентов, прокатить меня на вверенной ему карусели.

Халява и укус – близнецы-братья, и я в гордом одиночестве уселся в люльку, а Николаич стал хлопотать возле пульта управления. Пощекотав некоторое время свой вестибулярный аппарат, я стал догадываться, что стандартное время аттракциона должно уже и закончиться, но карусель всё ещё продолжала свои вращательно-поступательные движения.

Чуя, что-то идёт не так, я интеллигентно закричал:

– Николаич, тормози!

Николаич сделал вид, что ничего не слышит и, отвернувшись, закурил. Я стоически держался, пока обед во мне стремительно и неумолимо не запросился наружу. Подавив рвотный рефлекс, я стал махать руками и орать уже со всей мочи. Однако, Николаич меня по-прежнему «не слышал», а редкие посетители парка принимали мои вопли за дикий восторг и спешили дальше.

Наконец, до меня дошло:

– Николаич, я долг прощу, спускай!

Карусель мгновенно замедлила ход, и я, уже изрядно зелёный, сполз вниз, навстречу хитро улыбающемуся и довольному Николаичу.

Ирония судьбы

Самое крупное достижение Советского Союза – это не водородная бомба, не искусственный спутник и даже не победа над фашизмом, а крупнейший нейро-лингвистический программатор, более известный под названием «Ирония судьбы, или С лёгким паром!».

Да-да, тот самый фильм, который показывают на территории бывшего советского пространства каждый Новый год. Задумавшись над отдельными ситуациями, мы заметим, что вся жизнь русского – в широком смысле этого слова – человека лишь проигрывание эпизодов картины великого манипулятора Эльдара Рязанова.

Мы влюбляемся в надь, но женимся на галях, ходим в баню с друзьями, нажираемся в слюни перед решающими поездками и потом летим неизвестно куда – если не из Москвы в Ленинград, то из деревни Гадюкино в село Грязюкино. Перед катаньями неудобно постоянно, а пиво с водкой – наше всё. В наш жизненный путь вмешиваются ипполиты и ботинки на тонкой подошве. Нас бесят фотографии бывших и заливная рыба. Но самое неизбежное это, конечно, улица Строителей. Каждый из нас так или иначе попадает если не в дом номер двадцать пять, то где-то близко.

...Корпоратив проходит успешно: уютное кафе, в бокале не бордо, но крепкий алкоголь с претензией на элитность,

разговоры на тему ты-меня-уважаешь и неумолимо наступающая скромная болезнь сознания, более известная под названием «перепил».

Срабатывает автопилот, и я, прервав диалог на полужразе, срываюсь к гардеробу. Кратковременное проветривание мозгов умеренным ветром с Финского залива позволяет сконцентрироваться и вызвать такси через приложение в телефоне. Указать пункт отправки помогает встроенный GPS, а вот набрать пункт назначения уже не получается – пальцы живут своей жизнью, поэтому автозамена предлагает поехать то в Выборг, то во Всеволожск. Очищаю точку Б и жму «Вызвать такси».

Очутившись в тёплом салоне, скороговоркой выталкиваю в затылок водителю: «3-я улица Строителей, дом 25, квартира 12». И, пристегнувшись, обмякаю. Поехали. Сон алкоголика краток и тревожен: Чёрная речка... Петроградская сторона... Троицкий мост... Обводный канал...

– Приехали!

Открываю глаза. Хрущёвки очень похожи, но подсознание выказывает тревогу. Пытаюсь сказать водителю, что я не совсем уверен в точности нашего прибытия согласно озвученным исходным данным. Но потом понимаю, что нужно мыслить логически: водитель, в отличие от меня, трезвый, и верить ему не только можно, но и нужно.

Пытаюсь расплатиться второй раз и вылезаю на свежий воздух. Таксомотор фыркает и отбывает в ночь. Делаю три-

ангуляцию по уличным фонарям и голым липам. Кажется, мы просто подъехали с другой стороны.

Обхожу дом. Вероятно, управляющая компания сменила домофон, так как ключ не срабатывает, а сам аппарат мерзко пищит и дверь не открывает. Собираюсь с мыслями, повторяя мантру: «Надо меньше пить, пить меньше надо». Ключи выскальзывают и ныряют в сугроб, приходится их спасать. Выудив связку, решаю проветриться и унять неуклюжесть верхних конечностей. Обхожу здание, поднимаю глаза и вижу огромную, трафаретную цифру «12» на торце дома.

Всё правильно: для меня была важнее конечная цель путешествия – квартира с тёплой кроватью, а не какое-то там унылое строение. Поэтому номер корпуса сознание посчитало ненужным и в адресе опустило. Память услужливо подсказывает, что на пути к моему дому жилой квартал бесцеремонно прерывается «небольшой» промышленной зоной, километра на два.

Я присаживаюсь на поребрик и рыдаю коньяком: мобильный интернет закончился, а ждать ответа диспетчера, внятно объяснить, что мне нужно, и дождаться машины я уже вряд ли смогу – до мозга доползает порция «на дорожку», которую я опрокинул по пути в гардероб.

– Хорошо живёт на свете Винни-Пух!.. – оглашает песня глухие заборы бывших заводских корпусов: это я, срываясь на трусцу, бреду по обочине и грязной каше из глины, воды и первого снега. Редкие автомобили, завидев меня, старают-

ся оставить как можно больше места между собой и обочиной. Тормозить их я даже не пытаюсь.

– Но королевский замок был уже близко! – кричу я, когда, наконец, вижу перед собой полукруглые мачты фонарей ЗСД – Западного скоростного диаметра – который ежедневно отравляет панораму из окна моей квартиры.

Утром, а, точнее, после обеда, я проснусь, увижу в прихожей свою грязную обувь, такую же грязную инсталляцию на полу из куртки, джинсов и перчаток. Заварю свежий кофе и открою на телефоне приложение GPS-трекера, которое покажет мне, где я был и что я видел. И я напишу этот предновогодний рассказ.

Баю-баюшки-баю

Резко и остро скрутило живот: подогнув ноги и тихонько взыв, я завалился на прогретое осенним солнцем трамвайное сидение. Сквозь проступившие слезы я увидел нависшее надо мной испуганное и растерянное лицо матери.

– Тань, останови трамвай, ребёнку плохо! – быстро сообщает кондуктор. – Нет, передай по линии, пусть на Институт «скорую» вызовут, сейчас там высадим.

Белый потолок уже старого на вид и запах РАФа, молочные окна с красными крестами, мамина рука на ладошке. Штопор внутри не утихает, проворачиваясь при каждом резком движении автомобиля. Меня вкатывают в высокие деревянные двери, долго везут по коридору. Странно, но в больнице боль значительно ослабевает. Я даже пытаюсь протестовать против клизмы, но тщетно. Долго сижу в одиночестве на удивительно низком – детском – унитазе среди светло-голубого кафеля и жёлтых ночных горшков. За дверью голоса:

– Похоже на небольшое отравление, но лучше всесторонне обследовать. Давайте понаблюдаем в инфекционном отделении, – уверенно рокочет басок доктора, который щупал мне живот в приёмном покое.

– Вы так считаете? – незнакомым, заискивающим голосом спрашивает мать.

– Абсолютно. Анализы сделаем, посмотрим внимательно... – голоса удаляются.

Шурша жёстким халатом, заходит медсестра – кажется так называют помощницу доктора. Протягивает руку:

– Ну, пойдём.

В коридоре я оборачиваюсь в сторону, куда ушли голоса, но медсестра тянет в противоположную:

– Идем же.

Мы поднимаемся на третий этаж. Там коридор со множеством дверей, на каждой – цифра в ромбике. Цифры я знаю, хотя ещё даже не перешёл в подготовительную группу. Женщина заводит меня в дверь под номером «4».

Комната очень большая. Повсюду стоят кровати с железными трубчатыми спинками. На кроватях сидят и лежат дети и женщины с грудничками. Две девочки сидят за столом и рисуют карандашами. Меня подводят к застеленной кровати:

– Это твоя.

– А мама скоро придёт? – спрашиваю я.

– Придёт, придёт, – тянет улыбку медсестра и уходит.

Я сажусь на изножье кровати, оно не так проваливается, и начинаю ждать. Минуты тянутся медленно, живот снова начинает тянуть. Я сворачиваюсь клубочком и незаметно засыпаю.

– Ты ужин проспал.

Над кроватью стоит светлый крепкий мальчик, по виду

старше меня. В комнате горит электричество, за окном сгущаются сумерки.

– Ужин?

– Я сказал, чтобы тебе оставили. Там, – мотает он головой, – на столе.

Бреду к столу, сажусь, ковыряю «хлебную» котлету, отделив вилкой потемневшее пюре. Мальчик сидит напротив и, чуть склонив голову, наблюдает за мной. Я понимаю этот взгляд по-своему. Запихав в рот половину котлетыдвигаю тарелку к нему:

– Будешь?

Помедлив, мальчик пожимает плечами, но доедает гарнир, экономно расходуя остатки котлеты. Чуть сладковатый компот мы выпиваем напололам.

– Тебя тоже оставили? – внезапно осеняет меня.

Кажется, я догадался: от меня избавились. Оставили, как оставляют на особой площадке возле подъезда ненужные вещи. Кому нужен сломанный мальчик, который падает в трамвае и плачет по пустякам? В магазин за новыми ботинками мы ехали в обед, сейчас уже поздний вечер, а мама за мной так и не вернулась. Даже из садика она забирает меня не позже семи, а сейчас уже намного больше. Она просто оставила меня в комнате для сломанных людей, в комнате под номером четыре.

Мальчик задумывается:

– Не знаю...

– Твоя мама не приходила?

– Нет. Но мы в деревне живём, автобус только раз в день к нам ходит...

Я сочувственно поджимаю губы. Бедный, бедный мальчик. Он даже не понял, что происходит, пока я ему об этом не намекнул. Мальчик хмурится, не хочет верить. Может, и правда всё не так, как я себе представляю? Оглядываю комнату:

– Интересно, а как могли оставить этих двух женщин с малышами?

Мальчик отвлекается от своих дум и вздыхает:

– Обыкновенно. Мой папа же нас с мамой оставил. И этих, наверное, тоже.

Последняя надежда тает, как кусочек льда на горячей батарее. Теперь точно всё. Мы молча собираем посуду в стопку на столе и отходим к окну. По краю больничного парка проходит дорога. Медленно едет рейсовый автобус, точно такой же, как около моего бывшего дома. Можно закрыть глаза и представить себя в салоне, пахнущем сладковатым газом и человеческим потом, под тёплым светом желтых плафонов, услышать размеренный звон двигателя на холостых оборотах.

Автобус заворачивает за угол нашего здания и исчезает. За дорогой остаются несколько многоэтажек, расцвеченные мозаикой освещенных окон. Там живут люди, которых ещё не бросили. А, может, и не бросят никогда.

Страшная тайна

Игорь Куликов бил меня по всем параметрам.

Во-первых, его отец был майором милиции и дома у них был настоящий пистолет. Однажды в выходные, когда майор Куликов спал после суток, мы с Игорем вытащили потёртый «Макаров» из кобуры, висящей на спинке стула, и убежали играть с ним в детскую. Вернуть незаметно мы его не успели, поэтому на следующий день Игорь пришёл в группу прихрамывая, и за обедом ел, ерзая на стуле.

В-вторых, дядя Игоря работал токарем и приносил племяннику всякие интересные штуки: сточенные резцы и бракованные заготовки. Железки сурово блестели, пахли машинным маслом и увесисто звякали, когда их перебирали.

В-третьих, в семье Игоря был автомобиль – ярко-зелёный «Москвич» производства автозавода имени Ленинского комсомола. Со строгими квадратными фарами и проволочной оплеткой руля. Большую часть времени он тосковал в гаражном кооперативе за городом, но иногда Куликов-старший выезжал на нём на рыбалку или вывозил семью на природу.

Мой отец работал бухгалтером в научном институте, был лысоват, полноват, очкаст и до тошноты обычен. Мать работала там же, инженером-конструктором. Стандартная квартира, стандартная мебель. Выделялся только огромный

шкаф с книгами, занимавший целую стену в гостиной. Там, за стеклом, ровными рядами стояли русские классики, серия «Мир приключений» и другие подписные издания.

В общем, особо хвастаться было нечем. Только историями, которые я мог сочинять, как говорила моя мама, «из воздуха». Я рассказывал случайным и неслучайным слушателям о том, как бродячая собака, которую я впервые увидел пять минут назад во дворе, второй месяц бредет от города к городу, по степи, в поисках своих хозяев, которые оставили её на море в Анапе.

Я уверял, что по пути к хлебному магазину встретил Чебурашку с крокодилом Геной, и мы перекинулись парой слов. Однажды, представив себя бездомным сиротой и рассказав об этом продавцу в молочном отделе, я получил две бутылки кефира бесплатно. Папа, пятнистый от стыда, бегал в магазин – заплатить стоимость продуктов и извиняться за сына-выдумщика.

Сегодня Игорь принёс в детский сад присланный тётей из Москвы подарок – масштабную модель автомобиля «Волга» в окраске скорой помощи. У неё открывались двери, а под капотом проступали контуры двигателя. Понятно, что моя очередная история про космонавта, спустившегося к нам на балкон на парашюте, блекла перед таким совершенством форм и красок.

И я решился. Вчера по центральному телевидению закончился показ сериала «ТАСС уполномочен заявить», поэтому

канва новой истории сложилась сразу. Я огляделся по сторонам, наклонился к самому уху Игоря и прошептал:

– Это страшная тайна. Но тебе скажу. Мой папа – шпион!

Игорь повалился на ковер игровой комнаты и, похрюкивая, заржал в полный голос:

– Ну, Лёшка, ну ты даёшь...

Стараясь не заплакать от бессилия, я, сохраняя серьезное выражение лица, дождался, пока Игорь просмеётся и добавил:

– Приходи в воскресенье в обед ко мне – сам всё увидишь.

В воскресенье мы должны были уехать на пару дней в дом отдыха, и я надеялся, что по приезду я накормлю приятеля новой басней, а к следующим выходным вообще всё забудется. Но вышло по-другому.

В воскресенье утром отца срочно вызвали на работу, и мать отправилась в институт с ним – дом отдыха всё равно накрылся, но можно было кое-что дочертить в спокойной обстановке. А мне в полное распоряжение оставили телевизор. Я поставил звук на минимум, чтобы никто не услышал, что я дома, и устроился в кресле. «Здоровье» подошло к концу, начиналась «Утренняя почта».

Внезапно я услышал знакомый скрип входной двери и похолодел: воры. Осторожно прокрался и выглянул в коридор. На пороге стоял Игорь.

– Чего двери не закрыл? Меня ждёшь?

Я мысленно хлопнул себя ладонью по лбу: так спешил на-

лить чай, что забыл закрыть за родителями дверь. Тут же я вспомнил о своём «обещании»: сердце резко ухнуло вниз, а уши, судя по ощущениям, налились краской. Но надо было что-то делать и я, придя в себя, сказал:

– Ага, разуйайся, проходи.

Подстегнутый стыдом мозг моментально выдал идею показать якобы шпионский тайник. На роль такого тайника в нашей квартире мог претендовать только книжный шкаф, а именно – его дальняя средняя полка: там плотной стеной стояли увесистые тома Ленина.

Принеся из кухни табурет, я поставил его перед шкафом:

– Залазь. Третья и четвёртая книги от края. Только аккуратно, за верх тяни, чтобы пыль не стереть.

Игорь, высунув язык, взял книги за корешок и чуть не свалился, потому что сразу несколько томов легко завалились на корешки. Он вытянул шею и выдохнул:

– Вот это да-а-а-а...

Мухой я метнулся на кухню, взял вторую табуретку и встал рядом с Игорем. Опрокинувшись, тома стали небольшим ящичком: скрепленные друг с другом и вырезанные изнутри, они скрывали в себе два абсолютно необычных для советской квартиры предмета. Первый представлял собой металлическую коробочку со стеклянными шкалами, серебристыми ручками и отверстиями для штекеров – типичный шпионский передатчик. Вторым сразу был идентифицирован как оружие: небольшой, вороненый, с прямыми угла-

ми и коротким дулом пистолет со странным овальным знаком на ребристой рукоятке. Между передатчиком и пистолетом лежала небольшая пачка фиолетовых двадцатипятирублёвок.

Протянув было руку к оружию, Игорь тут же её отдернул.
– Закрывай.

Книги встали на место. Я унёс табуретки, пришел в гостиную и сел на диван рядом с Игорем, осмысливая происходящее.

– Наверное, я пойду, – засобирался Игорь.

– Ты, это, никому не говори, – приспел я необычным от долгого молчания голосом.

Игорь посмотрел на меня недоуменно:

– Я что – дурак? Могила, Лёш, могила! – и крепко хлопнул мне по плечу.

Часы с кукушкой

– Аддис-Абеба – всё! – крикнул парень из параллельного класса, выскочив из кабинета и пробежав мимо нас по коридору.

Мы с ребятами переглянулись. Аддис-Абебой звали географичку старших классов. Предмет она не любила, барабанила главы из учебника, обожала задавать на дом составление кроссвордов из пройденных терминов, а всех вызванных к доске ошеломляла неожиданным вопросом: «Покажи на карте Аддис-Абебу». Чем ей так приглянулась или насолила столица Эфиопии, мы за четыре года её преподавания так и не выяснили.

– Постой, Кэст, кто у вас вёл? – вытащил я из толпы школьников, тянувшихся из кабинета географии, знакомого флегматичного верзилу.

– Мужик какой-то. Кажись, немного того, – ухмыльнулся Костя. – Но прикольный. Сами увидите.

Через два урока мы сидели в классе, пожирая глазами худощавого мужчину в пиджаке с чересчур длинными рукавами, с чёрной аккуратной челкой и такими же чёрными глазами. Казалось, он не заметил, как мы вошли и расселись. Но после звонка порывисто отложил ручку, вытянулся перед своим столом и произнес, глядя на политическую карту за нашими спинами:

– Здравствуйте, дети. Звать меня Юрий Иванович. Я буду вести у вас географию. Учебники уже все получили? Отлично. Открываем страницу номер...

Первую половину урока он вёл деревянно, сверяясь с учебником. Потом тема закончилась и он захлопнул книгу.

– Вопросы?

– А правда, что вы в Афганистане были? – подняла руку, как всегда, самая осведомленная из нас племянница завуча Маринка.

Юрий Иванович резко крутанул шеей и дёрнул подбородком:

– Был. Ещё вопросы? Нет? Почитайте тогда следующую главу.

Мы послушно зашелестели учебниками. Ближе к концу урока Юрий Иванович вскинулся:

– Кто знает, сколько времени?

Сидящая на передней парте Викуля начала манерно вскидывать руку с новенькими женскими часиками, но учитель поднял палец:

– Стоп! – и нажал кнопку на своём браслете.

– Одиннадцать... часов... сорок... шесть... минут, – произнес электронный женский голос.

Лицо географа озарилось счастливой улыбкой:

– Четыре минуты до конца урока, можете потихоньку собираться.

Мы дружно хихикнули: Юрий Иванович, оказывается, но-

сил дешёвые китайские «говорящие» часы, мода на которые закончилась ещё в прошлом году.

– Часы с... кукушкой! – бросил наш классный остряк Слава, больше известный в школе как Славик-Острославик, когда мы покинули кабинет.

Прозвище прижилось.

Нагруженный шаровыми, сайлент-блоками и прочей дребеденью для своего верного «тазика», я вышел с авторынка. Тяжесть покупок возобладала над рачительностью, и ноги сами понесли меня к таксистам: вдоль дороги стояла цепочка из машин советского автопрома не первой свежести, а сами водители резались в нарды на специально оборудованном неподалеку столике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.